

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 1-го Февраля 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9602.

Рѣка смерти.

(Зимний пейзажъ).

Такимъ именемъ можно назвать гордую величественную Иматру.

Есть что-то трагическое въ этой безумной рѣкѣ, которая неудержимо, мощно, бѣлая отъ гибели и возмущенія, мчится въ тѣсныхъ, гранитныхъ берегахъ, по каменному руслу, и увлекаетъ за собою много бессильныхъ, надломленныхъ, слабыхъ.

На дняхъ я сдѣлалъ небольшую поѣздку по Финляндіи, видѣлъ Иматру въ зимнемъ уборѣ, и теперь, въ снѣгахъ и льдахъ, она производить гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ лѣтомъ.

Лѣтомъ вокругъ Иматры, какъ и вообще по Финляндіи, разлито слишкомъ много тихой, изѣжной, почти акварельной красоты.

Вѣчно зеленые лѣса, прозрачная синева неба, ласковое, нежгучее солнце, часто скрывающееся въ тонкихъ, какъ круже, облакахъ, и свѣтлая, мечтательная, бѣлая ночи, вносятъ слишкомъ много примиряющей мягкости въ суровый шумъ и грохотъ бѣшеной рѣки. Скрадывается впечатлѣніе дикой мочи и грозного величия.

Зимой Иматра первобытно дика, величественна, сурова. Холодомъ и смертью вѣтъ отъ нея. Это, поистинѣ бѣщеная рѣка. Сѣре, однотонное небо, покрыты снѣгомъ скалы, синеватые льды у береговъ, лохматыя, нахмуренныя ели и сосны, осыпанныя пушистыми клочьями снѣга, и лѣса кругомъ, глухо шумящіе, темные, синѣющіе вдали, какъ тучи,—непрѣходимые финляндскіе лѣса.

И въ рамкахъ такихъ береговъ шумитъ и бѣтъ о береговые граниты жемчужно-пѣнистая рѣка. Встаютъ и падаютъ въ брызгахъ и пѣнѣ рождающіеся валы, цѣльные вихри схватываются посрединѣ, бѣшено кружатся и бѣгутъ въ туманѣ влажной пыли. Бѣлая грива каскадовъ шумитъ, трясется, зыблется, и бѣгъ рѣки такой стремительный и жуткій, что страшно смотрѣть.

Есть что-то влекущее, опьяняющее въ этомъ тысячеголосомъ ревѣ, который, не смолкалъ, стоять надъ водопадомъ, въ дикой стремительности, въ безумномъ бѣгѣ Иматры. Она—точно какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій осколокъ древняго міра, когда бушевали слѣпяя силы творящей природы и изъ темнаго хаоса ихъ рождалась земля. Все въ ней первобытно, нетронуто, стихійно. Въ особенности это можно сказать о Малой Иматрѣ, которая, вопреки названию, гораздо больше, сильнѣе, величественнѣе большой.

Большая Иматра отчасти испорчена уже раскинувшимся вокругъ нея поселенiemъ—мостомъ, отелями, бесѣдками, фонарями, подстриженными кустарниками и лужайками. Это ослабляетъ впечатлѣніе первобытности.

Малая Иматра, находящаяся въ 5 километрахъ отъ Большой, осталась въ не тронутомъ видѣ. Сюда еще не доползла культура, и о ней не напоминаетъ ничто, кроме торчащей надъ водопадомъ бесѣдки, изрѣзанной безчисленными надписями на всевозможныхъ языкахъ.

Н. С. Долгорукій,
новый россійский чрезвычайный и полномочный посолъ въ Римѣ, бывшій помощникъ командующаго Императорской главной квартирой.

А. А. Лопухинъ.
Бывшій директоръ департамента полиціи, нынѣ арестованыи.

Дорога къ Малой Иматрѣ лѣсная, живописная. Возять туда финны на маленькихъ рѣзвыхъ лошадкахъ, запряженныхъ въ маленькия сани. Позваниваютъ бубенчики, помахиваютъ вожжами финны:

— Сойве, сойве! (впередъ, впередъ!)

И лошадь рѣзво перекатывается съ пригорка на пригорокъ, которыми пересыпана вся дорога.

Малая Иматра течетъ въ глубокой котловинѣ. Кругомъ крутые обрывы, громоздкія скалы и лѣсы, темный и строгій,

какъ глаза инока. Спускъ кругой, скользкій. Внизу бѣшеный шумъ и кипѣніе.

Здѣсь Иматра разлилась широко, многоводно. Посрединѣ громоздятся гранитныя скалы, острова, пороги. Они разбиваются теченіе на нѣсколько рукавовъ, которые брызжутъ и падаютъ внизъ съ заглушающимъ шумомъ. Самый широкій, могучій скатъ у бесѣдки. Это цѣлый холмъ, пѣнистый, кипящій, стремительный. Падать внизъ и опять вздымается кверху, разбрасывая далеко кругомъ пѣну и брызги. И куда ни попадаетъ взглядъ, всюду кипятъ и скатываются бѣлѣющіе каскады, шума, сверкая, пѣняясь. Лѣсное эхо подхватываетъ шумъ и несетъ его вглубь, вдали, въ лѣсныя чащи.

Дикая, титаническая сила! И какъ выдерживаютъ гранитныя глыбы такой могучій напоръ воды. Брось цѣлую скалу—и она, пожалуй, поплынетъ, какъ щепка, скатится по скользкой поверхности каскада въ бездну, которую роеть неустанно падающая вода.

Когда постоишь надъ Иматрой, всмотрѣшься въ ея стремительное теченіе, вслушаешься въ ея гибній ревъ, становитъся понятнымъ, почему Иматру избираютъ многіе для того, чтобы покончить разсчеты съ жизнью. Увлекаютъ стихійная мочь и красота водопада. Одно движение, одинъ шагъ—и вы во власти стихіи, которая уже не отдастъ, не возвратить васъ жизни. Бѣщеная рѣка закружить и унесетъ въ свои таинственные омыты и не вернетъ даже тѣла. Смерть мгновенная, красава, вѣрная, безъ боли и страданія, дающая забвеніе сразу, едва только тѣло коснется воды.

Въ послѣднее время Иматра сдѣлалась излюбленнымъ мѣстомъ самоубійствъ. Это поистинѣ рѣка смерти, и сколько она уноситъ ежегодно жертвъ—знаетъ только ея гранитное русло. Никакая статистика тутъ не можетъ подвести итога. Бросаются съ моста, со скаль, на Большой и Малой Иматрѣ,—вездѣ, где сильнѣе, выше кипитъ водопадъ. Прибрежныя финны находятъ потомъ у береговъ близайшихъ омутовъ и плесовъ изуродованные трупы и предаютъ землѣ. Иногда нѣть рукъ, головы, все тѣло избито, изранено... Это крестный путь несчастныхъ жертвъ по подводнымъ камнямъ и порогамъ, черезъ которые несла ихъ вода. А сколько такихъ жертвъ скрывается въ темныхъ омутахъ, и кто они, и когда попали туда—никто не скажетъ. Заѣднется за островерченные камни, за корни деревьевъ и лежитъ въ глубинѣ, и развѣ случайно, неводомъ или багромъ, захватить и извлечь на поверхность.

На мосту, переброшенномъ черезъ Иматру, откуда чаще всего бросаются въ водопадъ, стоять стражи. Но этимъ, конечно, не достигается цѣль. И на Большой, и на Малой Иматрѣ можно броситься съ любого мѣста и съ одинаковымъ успѣхомъ, т. е., съ полной увѣренностью, что возврата къ жизни не будетъ.

Это какая-то трагическая рѣка. Ея шумъ, ея стремительность притягиваютъ, гипнотизируютъ. На слабыхъ, безвольныхъ, расшатанныхъ жизнью людей, она производить обвораживающее впечатлѣніе. Она манитъ, зоветъ нѣмыми, таинственными голосами:

— Иди ко мне — и я успокою тебя. Я такая же гордая, претендующая, как и ты. Я вышла из тихого озера, радостная, спокойная, но встретила на пути эти проклятые, разрывающие меня грани и бегу, бегу мимо них, гибкая, негодящаяся, к тихим озерам, которых лежат там, внизу, в зеленых мягких берегах... Иди ко мне, я унесу тебя в тихое озеро, я успокою тебя...

Этот призыв слышится в шум Иматры, и на него идут многие, кто задыхается в тесных, гранитных берегах жизни, кто ищет тихого, глубокого озера, чтобы отдохнуть, успокоиться навсегда...

На Малой Иматре безстрашные финны предлагают желающим прогулку в легкой, как скорлупа, лодочке по плесу, лежащему ниже порогов, на островок, разделяющий реку на два больших рукава.

Это интересная, опасная, волнующая прогулка. Лодочка идет в разрезе двух течений, по волнующейся поверхности черного от безмorianной глубины омути, и нужны большая опытность и умение, чтобы удержать ее в строго определенном направлении.

С островка, состоящего из сплошной, растрескавшейся гранитной глыбы, с двумя — тремя деревцами, открывается чудесный вид на водопад. Стоишь, точно в заколдованным царством среди разбушевавшихся стихий. Кругом пынится, брызжет, ревет и воет вода. Всплески явились кружатся вокруг островка, лижут камни. Кажется, вот-вот его сорвет и утащить вмести с деревьями, тобой, лодкой и лодочником в черный омут... И жутко, и хорошо!

Летом, эта прогулка может доставить громадное удовольствие, а зимой — холодно и опасно пускаться в тяжелой зимней одежде на утлы лодочки по беспокойному плесу.

Зимою по вечерам, Иматра освещается с моста сильным электрическим рефлектором. Эта красивая, феерическая картина, в особенности, когда ставят цветные стекла. Перед глазами попеременно катятся то белые, то огненные, то голубые волны. Особенно эффектное зрелище получается, когда водопад освещен красным светом. Кажется, будто свергается вниз по уступам огненная река; пламя схватывается, бурлит, лижет льды и скалы, на которых дрожат огненные блики. Багровая мгла, точно зарево, колышется над водопадом — это пыль и брызги, разбрасываемые водяными смерчами, крутящимися на реке.

Иматра зимой великолепна, и кто не видел ее в снегах, в морозы, тот не имеет о ней представления. Этот морозный северный поток может разбудить даже мертвую душу. Он шумит и пынится, как вино, и как вино — бодрить, опьянить. У слабых, надломленных кружится голова и для них — это река смерти, жадная, несчастная, а сильных Иматра взвинчивает, подымает, как все стихийное, мощное, не укладывающееся в тесные рамки узкой, размытой жизни.

Ноездка на Иматру дает много прекрасных впечатлений. И пусть эта река смерти уносит многих, пусть на нее надают от уносимых ею жертв зловещая тьма, она все же остается могучей и прекрасной, как все, что создано творческими силами природы.

М. П. Арцыбашевъ,
современный беллетристъ.

Винченцо Копполло,
теноръ итальянецъ, бенефисъ которого
былъ 25 января.

Зимний путь по Финляндии удивительно освещает и успокаивает истрепанные городской суетой нервы. Маленькая, тихая страна совсем заснула теперь под снежным покровом. Ослепительно блестят сугробы, чистый, здоровый воздух, медленно, спокойно движущаяся жизнь, вся точно осипанная снегом. И только безконечные леса чернют и шумят, когда на них набежит ветер, и облекаются в нежные пушистые ткани инея под крипичным дыханием мороза...

П. Сурожский.

КРОШКА.

(С немецкого).

Сегодня похоронили Крошку. Когда я увидела ее в первый раз, мнѣ стало уже ясно, что ей предназначена очень недолгая жизнь, и однако она умерла, собственно говоря, даже болѣвъ.

„Легкая“, сказали врачи.

Но она не кашляла, никогда не храла кровью и не имѣла вида, характерного для больных грудью.

Она замѣтно таяла и погасла какъ свѣча, догорѣвшая до конца.

Мнѣ не хотѣлось бы снова повторять: она умерла от недостатка любви, от недостатка любви умерла Крошкѣ.

Какъ такое дитя могло быть у такихъ родителей? Оба здоровые, оба сильные, красивые, оба полные жажды жизни и радости бытія; оба лихорадочно-страстно, любящіе жизненныя блага и забывающіе все изъ-за любви къ своему „я“. И потому вслѣдъ за опьянѣніемъ ихъ жгучей бурной страстью бѣдное, маленькое, жалкое дитя!

Крошкѣ! Такъ звали ее съ первого дня ея бѣдного существованія; это же имя сохранила она, когда стала „большой“, когда новый малютка пищалъ въ колыбели.

Дѣло было такъ: рождение жалкой маленькой дѣвочки было первой трещиной въ брачномъ союзѣ ея родителей; чѣмъ дальше, тѣмъ больше — совмѣстная жизнь вела къ взаимной отчужденности.

Даже крѣпкий мальчуганъ, появившійся на свѣтѣ спустя два года, съ черными курчавыми волосами отца, удивительно лучистыми голубыми глазами прекрасной матери, не могъ удержать ихъ другъ около друга. Мѣсто любви заняло вновь служеніе искусству. Она гастролировала, какъ Валькирия, Венера, въ Америкѣ; она совершила концертную турнѣю по Швейцарии и Норвегии и пѣвала всѣхъ своей игрой на скрипкѣ.

Письма того и другого были наполнены рассказами о славѣ, лаврахъ, почетѣ и блескѣ. Между тѣмъ дѣти оставались на попечении старой Берты.

Старая Берта была точно частью фамильного инвентаря. И она честно, но плохо исполняла свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ. То, что она предпочитала удивительно красиваго Роберта молчаливой, бѣдной, часто плачущей Крошкѣ, можно ей простить, такъ какъ такъ поступали всѣ. Его подкупавшая ласковость покоряла всѣ сердца. Когда старая Берта бранила его, а это случалось часто, мальчуганъ обнималъ ее, ласкался, упрашивалъ, — и старуха, не выдержав напускной строгости, вынуждена была, въ концѣ концовъ, разсмѣяться.

Отецъ и мать писали съ противоположныхъ концовъ свѣта, чтобы испробовали всѣ мѣры для спасенія ребенка, не жалѣя денегъ. И Крошкѣ попала въ дорогой санаторій.

Никакое средство не помогло.

„Малюткѣ не достаетъ жизненной энергіи“, сказалъ лечившій ее докторъ.

И въ этомъ онъ былъ правъ, такъ какъ жизненный нервъ былъ подрѣзанъ у Крошкѣ.

Она знала, что ей предстоитъ скорая смерть; съ далеко превышающимъ ее годы свѣтлымъ смиреніемъ смотрѣла она ей навстрѣчу.

Потомъ обнаружилось, что она составила формальное маленькое завѣщаніе, назначивъ главнымъ наследникомъ своего брата, и подумала обо всѣхъ, которые были къ ней близки. Когда не оставалось надежды на спасеніе, телеграфировали родителямъ. И они прибыли съ большой поспешностью: онъ съ сѣвера, она съ юга.

Слишкомъ поздно.

У смертного одра своего ребенка встрѣтились они послѣ долгихъ лѣтъ, у одра того ребенка, который ихъ разобщилъ; и маленькая ручка съ то-

Родители, посѣща своиѣ дѣти, всегда отдельно и никогда вмѣстѣ, не знали, какъ приступить къ этой боязливой, блѣднѣющей Крошкѣ.

Красавица — мать привозила съ собой обоими поровну сластей, игрушекъ и платьевъ и смѣялась, когда Робертъ въ своихъ грязныхъ штанишкахъ пригналъ къ ней на колѣни, не обращая вниманія на ея свѣтлое, шелковое платье, и своими пыльными сапожками рвала кружева — этотъ родъ ласки она понимала, но нѣжнаго, о любви просящаго взора старшей дѣвочки, которая робко жалась въ самомъ темномъ уголку комнаты, она понять не могла.

Пріѣзжалъ и отецъ, нанималъ экипажъ, лошадей, возилъ дѣти кататься и водилъ въ театръ. И онъ радовался на громкое благодарное восхищеніе Роберта и удивлялся молчаливости дѣвочки, ея блѣдному, неподвижному лицу съ некрасивыми чертами. Ахъ, это дитя, это дитя, появление которого было роковымъ для ихъ брака — его-ли это дитя?

Онъ мрачно смотрѣлъ на Крошку, и она замѣчала эту взглядъ, и что-то внутри у нея болезненно сжималось.

Позднѣе то же происходило и въ школѣ.

Табели Роберта были полны дурными отмѣтками, и все-таки учитель и товарищи любили веселаго, милаго мальчика. Крошкѣ имѣла всегда хорошия баллы, однако, учителя чуждались замкнутаго ребенка, и между своими товарищами по классу она не нашла себѣ подруги. Никто, никто не видѣлъ ее горя, никто не понималъ нѣмой просьбы ея печальныхъ глазъ.

Мать гдѣ-то тамъ, въ свѣтѣ, собирала деньги и пожинала лавры, чтобы придать должный блескъ своему прекрасному „я“, а дома томилась ся бѣдное дитя. — Да, такъ медленно угасала Крошкѣ.

Отецъ и мать писали съ противоположныхъ концовъ свѣта, чтобы испробовали всѣ мѣры для спасенія ребенка, не жалѣя денегъ. И Крошкѣ попала въ дорогой санаторій.

Никакое средство не помогло.

„Малюткѣ не достаетъ жизненной энергіи“, сказалъ лечившій ее докторъ.

И въ этомъ онъ былъ правъ, такъ какъ жизненный нервъ былъ подрѣзанъ у Крошкѣ.

Она знала, что ей предстоитъ скорая смерть; съ далеко превышающимъ ее годы свѣтлымъ смиреніемъ смотрѣла она ей навстрѣчу.

Потомъ обнаружилось, что она составила формальное маленькое завѣщаніе, назначивъ главнымъ наследникомъ своего брата, и подумала обо всѣхъ, которые были къ ней близки. Когда не оставалось надежды на спасеніе, телеграфировали родителямъ. И они прибыли съ большой поспешностью: онъ съ сѣвера, она съ юга.

Слишкомъ поздно.

У смертного одра своего ребенка встрѣтились они послѣ долгихъ лѣтъ, у одра того ребенка, который ихъ разобщилъ; и маленькая ручка съ то-

Принцъ Хира-Хито,
будущій императоръ Японіи, старшій сынъ наследника японскаго престола. Рядомъ съ нимъ его младшій братъ, принцъ Наго-Хито.

Русскій храмъ въ Віене.

го свѣта чуть было не соединила то-го, что такъ долго было разъединено.

Они стояли другъ противъ друга и видѣли измѣненія, которыя произвѣль у обоихъ рѣзецъ времени, и видѣли блѣдное мертвое лицо, и думали о томъ короткомъ промежуткѣ времени, въ теченіе котораго они должны были еще скитаться по свѣту.

У обоихъ явилась мысль, не лучше ли было бы скитаться имъ вмѣстѣ.

Да, мертвая Крошкѣ чуть-чуть не соединила вновь своихъ родителей.

Было бы очень хорошо, если бы имѣла право такъ закончить свой раз-сказъ. Но жизнь сочиняетъ совсѣмъ иное, чѣмъ то, что любить писатели и читатели. — Они опять отправились въ свѣтъ: онъ въ одну сторону, она въ другую.

Робертъ рыдалъ на гробѣ своей сестры, точно безумный. Спустя день, она слышала его уже снова смѣющимися.

сѧ. Это былъ истинный сынъ своихъ родителей.

Бѣдная Крошкѣ!

Первая садовница города за хорошую цѣну богато убрала цветами могилу Крошкѣ.

Новый продуктъ питанія.

Въ издающемся въ Петербургѣ „Интенданскомъ Журналѣ“, въ сентябрьской книжкѣ, помѣщена заслуживающая самаго серьезнаго общественнаго вниманія статья инженера Мельникова о продуктахъ питанія изъ бобовыхъ растеній.

Такія растенія (горохъ, бобы, фасоль, чечевица) давно извѣстны, какъ чрезвычайно питательны и по содержанию бѣлковыхъ веществъ могущія замѣнить мясо; но пользованіе ими въ качествѣ пищи до сихъ поръ у настъ весьма ограничено. Зато на Востокѣ — въ Китаѣ, Японіи и Корѣѣ, всевозможныя блюда и сыры изъ бобовъ, въ особенности изъ китайского гороха и сои, въ высшей степени популярны.

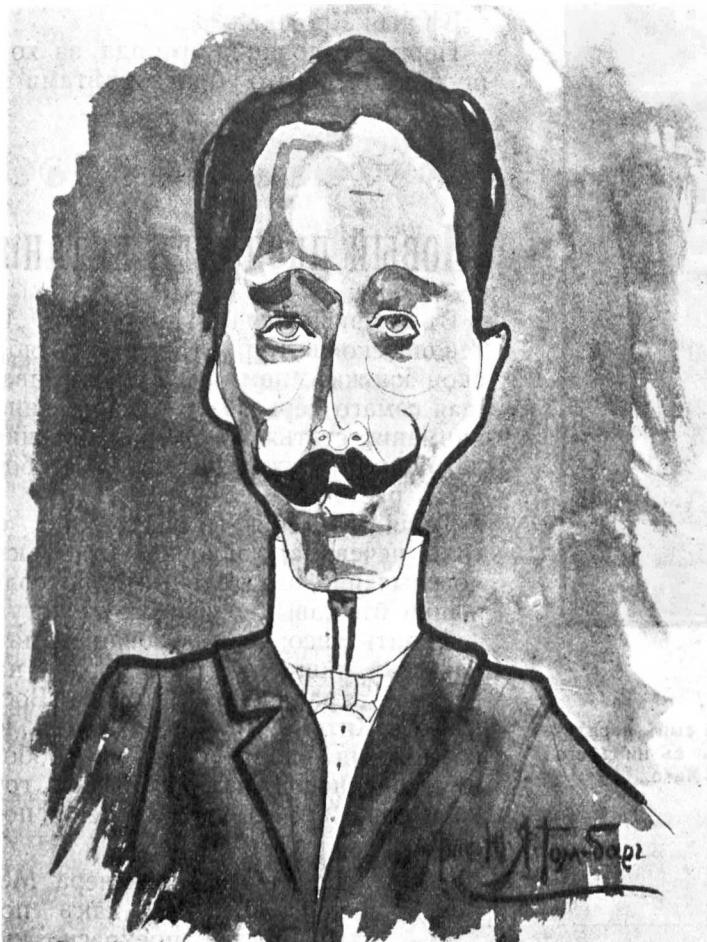
По словамъ инженера Мельникова, эта соя, какъ показали опыты, прекрасно культивируется и въ Россіи, но мы будемъ говорить пока только объ отечественныхъ злакахъ и притомъ возьмемъ изъ статьи описание наиболѣе интереснаго и совершенного вида съѣстныхъ продуктовъ, а именно, такъ называемаго, глютенового сыра, приготовляемаго, напримѣръ, изъ чечевицы. Глютенъ — это растительная клейковина, которая добывается приблизительно такъ: чечевица размалывается въ муку и смѣивается съ водой и извѣстной пропорціей соды или поташа, затѣмъ вода отдѣляется отъ крахмала ситомъ, сода нейтрализуется уксусной кислотой, прибавляется соль — глютенъ будетъ осаждаться въ видѣ творожистой массы, которую необходимо, какъ можно лучше отпресовать для удаленія воды, иначе творогъ (сыръ) скоро портится;

во избѣжаніе этого, его тщательно высушиваютъ и вымораживаютъ, а затѣмъ изъ него приготавливаются, для удобства ѳды, какъ угодно формы и размѣровъ таблетки.

По завѣренію г. Мельникова, произведеніе опыты дали продуктъ очень хорошаго качества и вкуса, несмотря на отсутствіе специальныхъ приборовъ и какого-либо навыка въ подобныхъ операцияхъ. Питательностью же такой растительный сыръ превосходитъ мясо, содержа около 50% бѣлковыхъ веществъ.

Авторъ статьи занятъ трактуемымъ вопросомъ исключительно лишь въ отношеніи продовольствія войскъ, доказывая, что хорошо приготовленный бобовый продуктъ всегда съ успѣхомъ замѣнитъ солдату мясо, въ особенностяхъ на походѣ.

Но, вѣдь, если это въ самомъ дѣлѣ такъ, и если изъ бобовъ можно приготавливать не только вполнѣ

Анатолій Каменський.
(Шаржъ).

съѣдобное и крайне питательное, но и удовлетворяющее вкусовымъ ощущеніямъ, то далеко не для однихъ солдатъ послужило-бы на пользу такое открытие. Оно явилось бы счастьемъ для болѣе обширной арміи—нуждающихся, прымымъ облегченiemъ ихъ страшного гнета ежедневной заботы о пропитанії.

Конечно, такъ какъ предпріятіе это совершенно новое, проведеніе его въ жизнь, даже при самыхъ удачныхъ результатахъ опытовъ, могло-бы сильно затянуться, по присущей народу косности и тяготѣнію къ рутинѣ. Но въ средѣ несостоятельныхъ массъ, увы, такъ много интеллигенціи, такое огромное число учащейся молодежи, что всякое сомнѣніе въ быстромъ, культурномъ воспріятіи новыхъ начальствъ, освѣщенныхъ путемъ научныхъ опытовъ, уже совершенно отпадаетъ. Наше юношество, безмѣрно страдающее изо дня въ день недостатками питания, разумѣется, съ жадностью ухватилось бы за здоровый съѣстной продуктъ, питательнѣе и въ то же время въ нѣсколько разъ дешевле мяса, недоступность котораго продолжаетъ теперь повсемѣстно рости.

Однако, оставимъ эти оптимистическія надежды, сулящія слишкомъ ужъ заманчивыя перспективы. Надо прежде всего позаботиться о самой серъезной провѣркѣ, насколько данныя этого предложенія соотвѣтствуютъ истинѣ. Едва-ли кто будетъ оспаривать, что дѣло стоитъ того, чтобы надѣяться подумать и поработать, что нельзя пренебрегать вопросами о новыхъ ингредиентахъ питанія. Значить, надо во что-бы то ни стало произвести наилучшимъ образомъ обставленныя изслѣдованія и практическіе опыты.

Пишущій эти строки, къ сожалѣнію, лишенъ возможности единолично приступить къ дѣлу, какъ по отсутствию нужныхъ на это денежныхъ средствъ, такъ и по неимѣнію специальныхъ знаній, но радъ былъ-бы принять въ разработкѣ вопроса самое горячее участіе, разъ найдутся лица, могущія не только заинтересоваться этимъ, но и оказать необходимое содѣйствіе.

Чрезвычайно было-бы желательно узнать по этому поводу мнѣніе людей науки. Не производились-ли гдѣнибудь подобные опыты и не существуетъ-ли уже по этому поводу какихъ-либо лабораторныхъ выводовъ. Быть можетъ, университетъ пожелаетъ прийти на помощь въ разрѣшеніи этой задачи, имѣющей такое важное биологическое значеніе.

Это, разумѣется, гарантировало-бы правильность постановки дѣла съ самого начала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очень-бы хотѣлось заинтересовать этимъ предпріятіемъ и студентовъ-естественниковъ. Они, если-бы пожелали, могли бы съ успѣхомъ взять дѣло опытовъ въ свои руки, энергично призываю въ то же время къ содѣйствію соответственные элементы общества.

Съ цѣлью получить болѣе подробные свѣдѣнія о способахъ обработки бобовыхъ растеній и о необходимыхъ для этого аппаратахъ, одновременно дѣлается сношеніе съ инженеромъ Мельниковымъ.

На случай справокъ и переговоровъ, адресъ нижеподписавшагося редакціи „Южнаго Края“ извѣстенъ.

И. А. Стрѣшневъ.

Осипъ Дымовъ,
авторъ новой пьесы „Ню“.
(Шаржъ).

† Коклэнъ младшій.

Вслѣдъ за Коклѣномъ старшимъ на дняхъ умеръ Коклэнъ младшій. К. младшій родился въ 1848 г.; слѣдуя примѣру брата, поступилъ въ драматической классъ Ренье, кончилъ консерваторію съ отличиемъ, дебютировалъ въ 1867 г. на сценѣ Одеона, а черезъ нѣсколько времени принялъ въ Comédie Française. Уступая старшему брату въ исполненія классического репертуара, К. обнаружилъ, однако, выдающіяся талантъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ и создалъ рядъ ролей въ пьесахъ новѣйшаго репертуара какъ, напр., въ „Sphinx“, „Ami Fritz“, „Corbeaux“, „Franci Non“ и мн. друг. Кромѣ того, К. извѣстенъ былъ своимъ неподражаемымъ мастерствомъ въ „монологахъ“, которыми онъ создалъ особый жанръ сценическаго искусства, быстро вошедшій въ моду. К. участвовалъ въ юмористическомъ журнальѣ „Tintamarre“, подъ псевдонимомъ Rigouette и подъ этимъ именемъ издалъ юмористическую „Livre des convalescents“.

Въ послѣднее время Коклэнъ, какъ извѣстно, страдалъ психическимъ разстройствомъ.

